

ГЛАВА 4. НОРМАТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.А.Хрусталеv

I. Содержательное политическое исследование

Нормативный политический анализ — это, в сущности, применение политологии для проведения прикладного политического исследования, объектом которого являются существующие реалии политической жизни общества, и которое, в принципе, ориентировано на получение практически полезных результатов. Последнее положение не следует понимать излишне упрощенно, хотя бы в силу того, что практическая полезность может быть не только непосредственной, но и косвенной, причем первая далеко не всегда больше второй.

Нормативный политический анализ актуализуется в трех видах прикладных политических исследований: содержательном, экспертном и модельном. Двум первым присущ логико-интуитивный метод, а третьему, естественно, метод моделирования. Что касается исследовательских подходов, то отнюдь не все они в нем активно задействованы. Особенно это относится к замещающим, среди которых наиболее распространенным можно считать в настоящее время «теоретико-игровой» подход (применение теории игр). Из субстанциональных в этом плане выделяются историсофский и факторный подходы. Наиболее продвинутый в общенаучном смысле системный подход для своего эффективного применения нуждается еще в достаточно серьезной доработке.

Из трех указанных типов прикладных политических исследований изначальным является содержательное. Его генезис (в нормативно-эмпирическом варианте) относится к очень далекому прошлому. Первым политическим аналитиком по праву считается древнегреческий историк Фукидид, который был отцом аналитической истории. В отличие от истории описательной для нее характерно сочетание фактологии с аналитико-прогностическими положениями. Мощным стимулом ее развития стала разработка Аристотелем основ политической философии, что привело к формированию историсофского подхода, который стал использоваться в политическом анализе. Появление политологии ослабило его значение, но не в такой степени, чтобы можно было считать его рудиментом прошлого. Его сильной стороной является принцип историзма, то есть представление исследуемого объекта не в статике (по состоянию на некий момент времени), а в динамике (в процессе развития).

В этой связи сразу же возникает вопрос о роли принципа историзма в прикладном содержательном исследовании, которое по своей природе не является историческим. Вместе с тем, нет, видимо, осо-

бой необходимости доказывать, что без достаточных знаний об эволюции объекта очень сложно сформировать адекватное представление о нем и перспективах его развития, а, следовательно, фактологическое описание должно присутствовать. Соответственно, возникает необходимость наметить, хотя бы в первом приближении ту границу, которая отделяет историческое исследование от прикладного политического.

Ответ на него в каком-то смысле дает аналитическая история, в которой разработан и применяется, хотя и не всегда строго, понятийный ряд: этап — период — эпоха — эра. Образующие его таксономические единицы отображают временную структуру процесса социальной эволюции в целом и политического развития в частности. Несмотря на то, что каждая из этих единиц представляет собой некий отрезок времени, но он не фиксирован жестко. Это некий временной интервал, причем, чем выше по таксономической иерархии, тем его временные рамки менее четки. Более того, сама таксономическая иерархия на деле не отличается строгостью, то есть эра может включать наряду с эпохами и отдельные (в известном смысле автономные) периоды, а эпоха не только периоды, но и отдельные этапы. Наличие такого ряда отдельных периодов и этапов есть отражение феномена переходности¹.

Отсутствие правильной (в количественном отношении) политической ритмики в немалой степени обусловлено тем, что принято называть субъективным фактором. Появление выдающегося государственного деятеля оказывает серьезное влияние на ход политического развития, хотя отнюдь не всегда позитивное. Как правило, оно формирует политическую эпоху, если такой политический деятель стоит во главе страны длительное время. В этом плане история нашего Отечества дает немало ярких примеров, да и не только она. Конечно, в условиях авторитарного политического режима его возможности выше, чем в условиях демократии, однако пример М.Тэтчер демонстрирует, что они не так малы, как кажется на первый взгляд.

В вышеприведенном понятийном ряду низшей таксономической единицей является понятие «этап». Он представляет собой время бытия определенной ситуации, понимаемой как относительно неизменное состояние изучаемого объекта. В этом и только в этом смысле ситуация статична. Политика — это всегда борьба, что делает временные рамки существования ситуации достаточно ограниченными.

¹ Данный таксономический ряд представляет собой не что иное, как результат использования логико-интуитивного метода для выявления процесса политической ритмики. Его принципиальной особенностью является представление о временной нестрогости таксономических единиц. В качестве альтернативы ему выступает представление о наличии в социальной, а следовательно, и политической жизни строгих временных циклов (от 3 лет до 1000). На этой основе разработан целый спектр моделей (см.: Социс. 1992. № 6) явно изоморфной природы.

ми, хотя в зависимости от страны они могут варьироваться в большей или меньшей степени.

На смену одной ситуации приходит другая, генетически связанная с предшествующей, причем различие между ними может быть существенным или несущественным. Соответственно, в первом случае налицо начало нового периода, а во втором — продолжение предыдущего. Иначе говоря, период — это ряд взаимосвязанных ситуаций, объединенных некой общей тенденцией развития. Период, будучи частью процесса политической эволюции, является в известном смысле единицей политической диалектики, то есть элементарным подпроцессом в процессе политической эволюции.

Что касается двух других понятий — «эпоха» и «эра», — то в отличие от периода для них характерно наличие не только различных, но и альтернативных тенденций, но при сохранении атрибутивных свойств объекта. Например, советская эра в истории нашего Отечества характеризовалась наличием тоталитарного политического режима, а эпоха Сталина — террором, но в одни периоды его власти он был массовым, а в другие — нет.

Исходя из сказанного, хотя и в первом приближении можно наметить тот рубеж, который отделяет историческое исследование от прикладного. Им является период. В сферу прикладного исследования входит нынешний этап (существующая ситуация) и текущий период (незавершившийся подпроцесс). Все остальное относится к сфере исторического исследования. Прикладное содержательное исследование, будучи актуальным, в принципе обладает непосредственной политической полезностью, а историческое — лишь косвенной. Причем говоря об этой последней, следует иметь в виду, что таковой обладают не описательные, а аналитические исторические исследования.

Содержательное политическое исследование как в прикладном, так и в историческом вариантах имеет две основные формы: статью и монографию. Их подготовка и публикация требуют достаточно длительного периода времени. Для статьи это обычно месяцы, а для монографии — годы. Видимо, нет особой необходимости доказывать, что подобный лог заказывания является серьезным недостатком прикладного содержательного исследования¹.

Данный недостаток проявляется особенно наглядно в условиях политической нестабильности, когда политической жизни присущ динамизм. За время написания монографии в таких условиях может несколько раз поменяться тенденция развития, а иногда даже сам исследуемый объект может стать достоянием прошлого. Быстрое развитие событий переводит прикладное содержательное исследова-

¹ В качестве паллиатива зачастую используются научные доклады, однако, в силу их лапидарности их практическая полезность достаточно ограничена, и кроме того, недостаток времени на их подготовку может влиять негативным образом на их качество, сближая их с политической публицистикой.

ние в разряд исторических. Стремление свести на нет данные лог заказывания, присущий любому содержательному политическому исследованию, привело к появлению и развитию экспертного политического исследования (политической экспертизы).

II. Политическая экспертиза

В самом общем виде под экспертизой принято понимать опрос высококвалифицированных специалистов (экспертов) с целью получения от них вторичной информации об исследуемом объекте. Объектом политической экспертизы, как правило, является существующая политическая ситуация или один из ее аспектов, так как она в подавляющем большинстве случаев является одной из стадий процесса подготовки политического решения. В отличие от содержательного исследования она проводится в сжатые сроки и по четко определенной ее организаторами тематике.

Несмотря на то, что появление политической экспертизы — явление относительно недавнего времени, ее генезис относится к далекому прошлому. Уже в древности любое сколько-нибудь серьезное политическое решение не принималось без обращения за консультацией к гадалкам, астрологам и другим универсальным «экспертам» того времени. Особенно влиятельными политическими консультантами были жрецы, которые были своего рода монополистами по выяснению «воли богов». Не зная ее, что либо предпринимать считалось тогда делом более чем рискованным.

В сущности, за этим стояло вполне естественное стремление людей устранить неопределенность, а то и заручиться поддержкой потусторонних сил, могущество которых гарантирует успех любого начинания. Значение мнения этих универсальных «экспертов» резко возрастало в сложных и, особенно, в кризисных ситуациях. По всей вероятности, именно это обстоятельство породило тенденцию инструментального использования представителями правящей элиты этого мнения для манипулирования настроениями масс: особенно успешно это делали полководцы, использовавшие «благоприятные предсказания» для подъема боевого духа войск.

Утверждение мировых (универсальных) религий и прежде всего христианства и ислама заметно подорвало влияние универсальных «экспертов», но, тем не менее, они благополучно дожили до наших дней и продолжают играть роль политических консультантов. Их услугами и сейчас достаточно широко пользуются политические и государственные деятели, причем не только в развивающихся, но даже в развитых странах.

Появление профессиональных политических консультантов, то есть экспертов в полном смысле слова связано с появлением института постоянных советников в государственном аппарате, а затем в политических партиях и общественно-политических организациях. Однако только использование ученых в качестве советников привело к возникновению экспертизы в строгом смысле слова. Оно стало

возможным, прежде всего, благодаря появлению нормативного политического анализа.

Во второй половине XX века развитие политической экспертизы проходило достаточно быстрыми темпами, что привело к появлению разнообразных ее форм, совокупность которых представляется в следующем виде.

Таблица 4

Регламентация Участие	I — Свободная	II — Регулируемая	III — Программируемая
А. Индивидуальная	Консультация Интервью	Тематическая разработка	«Экспертная система»
В. Коллективная (очная)	«Круглый стол»	«Мозговой шторм», «Комиссия»	Имитационная игра
С. Групповая (заочная)	Анкетирование (открытые вопросы)	Анкетирование (закрытые вопросы)	«Экспертные оценки»

Приведенная таблица требует некоторых пояснений. В ней использованы две группы критериев, обозначенных как «участие» и «регламентация». Первая характеризует количество экспертов и форму их участия в экспертизе, а вторая — степень регламентации их работы. При свободной экспертизе она — минимальна, а при программируемой — максимальна. Вообще, необходимость регламентации обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что экспертная информация, по крайней мере в принципе, предназначена для разработки вполне конкретного политического решения, а, следовательно, должна быть строго целенаправленной. Перед содержательным исследованием такая задача, как правило, не стоит.

Хотя в таблицу занесены далеко не все, а лишь наиболее распространенные формы экспертизы, тем не менее, она дает достаточно полное представление не только о ее современном состоянии, но и позволяет проследить основные тенденции ее эволюции. Первичными формами были индивидуальная и коллективная свободная экспертиза. На основе этой последней развились все остальные более сложные ее формы, для которых была характерна ярко выраженная тенденция к усилению регламентации, с одной стороны, и увеличению числа опрашиваемых экспертов, с другой.

В ее основе лежало вполне понятное стремление добиться максимальной объективности, достижение которой виделось только че-

рез количественный результат. Немалую роль в этом плане сыграла и практика массовых социологических опросов, где действует принцип: «один человек — один голос» и где чем больше выборка, тем надежнее результат. В экстремальном варианте данная тенденция привела, например, к тому, что в рамках методики «экспертных оценок» задача эксперта сводилась к проведению сугубо измерительной операции (оценке вероятности, значимости и т.д.). В сущности, это уже был переход к моделированию.

Своего пика данная тенденция достигла в 70-е годы, затем постепенно наметился ее спад, так как не удалось решить большинства из порожденных ей проблем. Прежде всего, оказалась нерешенной проблема соотношения мнения меньшинства и большинства. Попытки ее игнорировать и ограничиваться лишь констатацией наличия различных мнений были заведомо несостоятельными, так как сохраняли неопределенность, ибо в групповых формах экспертизы фактически отсутствовала аргументация сторонников различных точек зрения. Разработка все более сложных и, в частности, интерактивных (многоуровневых) методик опроса к сколько-нибудь серьезным успехам не привела¹.

Кроме того, увеличение числа участников экспертизы отнюдь не повышало, а иногда и понижало точность результата. Дело в том, что в этом случае возрастала вероятность включения в состав экспертов лиц, которые не отвечают тем требованиям, которые предъявляются к эксперту.

Осознание значимости вышеуказанных проблем стимулировало возврат к эксперту как к явлению неординарному и, следовательно, интерес к его мышлению (особенно выдающихся экспертов). Это привело к созданию так называемых «экспертных систем», то есть компьютерных моделей мышления выдающихся экспертов, однако их возможности оказались ограниченными, поскольку интуиция остается слабоисследованным объектом современной науки².

В нормативном политическом анализе очевидное предпочтение отдается коллективным формам свободной и регулируемой экспертизы, прежде всего традиционному «круглому столу». Это отнюдь не случайно, поскольку их применение позволяет оптимально использовать сильные стороны логико-интуитивного метода. При этом особую роль, естественно, играет строгий отбор экспертов. Соответственно, представляется целесообразным остановиться на тех качествах, которые делают эксперта таковым.

¹ В этом отношении весьма показательны многочисленные попытки совершенствования методики «Дельфи». (См.: Бурков В.Н., Палкова Л.А., Шнейдерман М.В. Получение и анализ экспертной информации. М.: Институт проблем управления, 1980 (препринт)).

² Подробно об экспертных системах см.: Элти Дж., Кумбс М. Экспертные системы: концепции и примеры. М., 1987.

Эксперт-политолог: профессионально-психологический портрет

Вся совокупность тех качеств, которыми должен обладать специалист для того, чтобы считаться экспертом, может быть подразделена на четыре группы: компетентность, профессиональный опыт, интеллект и характер.

В качестве исходного требования к эксперту выступает компетентность, то есть наличие большого объема специальных знаний, ибо эксперт — это прежде всего высококвалифицированный специалист в определенной предметной области. Однако только этого для эксперта-политолога явно недостаточно. В силу комплексной природы политики ему необходимы также достаточно серьезные знания в ряде смежных областей (экономика, право, военное дело). Таким образом, потенциал компетентности эксперта-политолога включает две составляющие: профильную и сопряженную.

Несмотря на то, что профильная составляющая является, бесспорно, доминантой, значение сопряженной также достаточно велико, поскольку от ее состояния непосредственно зависит такое качество эксперта, как эрудированность. В принципе, неэрудированный специалист экспертом быть не может. Недостаточный уровень эрудиции даже при наличии больших и глубоких профильных знаний резко ограничивает аналитические возможности специалиста, превращая его во многих случаях лишь в источник чисто фактологической информации и не более. Это и понятно, так как в рамках профильной составляющей всегда имеет место определенная специализация. В самом общем виде она выражается в подразделении политологов на специалистов в области внутренней политики (политологи-страноведы) и внешней политики (политологи-международники). Подобного рода дифференциация может и не иметь места в том случае, если изучаемая специалистом страна небольшая, слабо развитая или относительно недавно стала независимой. Как правило, в этом случае выделение внешней политики не имеет особого смысла, то есть политолог-страновед выступает как универсал.

И наоборот, если изучаемая страна большая, да еще и развитая, указанная дифференциация оказывается совершенно необходимой. Для великих держав и ее оказывается недостаточно, то есть происходит специализация по отдельным аспектам внутренней политики, что ведет к разделению политиков-страноведов на специалистов узкого и широкого профиля. Что касается политологов-международников, то для них характерна не только ни меньшая, но даже большая дифференциация. Обычно выделяются четыре их основные категории: проблемники, страноведы, регионалисты, глобалисты. Кроме того, они могут быть специалистами как широкого, так и узкого профиля.

Из сказанного следует, что степень дифференциации профильной специализации достаточно велика, что ставит перед организаторами коллективных и групповых экспертиз проблему определения относительного сочетания экспертов различных категорий с тем, чтобы

обеспечить всестороннее изучение исследуемого объекта. Далеко не всегда это ими осознается в должной мере.

Высокий потенциал компетентности для того, чтобы быть эффективно реализованным, нуждается в обязательном подкреплении профессиональным опытом, а точнее, опытом самостоятельного политического анализа, причем, как минимум, нормативно-эмпирического, но лучше, естественно, нормативного. Дело в том, что самые глубокие и обширные знания без отработанных навыков их прикладного применения не гарантируют желаемого результата. Именно достаточный профессиональный опыт делает соответствующие знания прикладными в полном смысле этого слова. Профессионализм эксперта, в конечном счете, выражается в наличии у него оптимального сочетания знаний и навыков.

Формирование данного сочетания имеет некоторые особенности, которые не следует упускать из виду. Во-первых, отработка аналитических навыков всегда сопровождается накоплением знаний, но не наоборот, то есть никакое накопление знаний само по себе не ведет к выработке данных навыков. Более того, накопление знаний об исследуемом объекте всегда имеет некий рациональный предел, который можно квалифицировать как «порог информационного насыщения», переход которого не повышает, а понижает аналитические возможности. Дело в том, что вполне естественное стремление получить предельно полную информацию постепенно и даже вопреки воле исследователя, концентрирует его внимание на все более мелких деталях ситуации, и это ведет достаточно часто к утрате целостного представления о ней. Очень метко этот феномен выражен русской пословицей: «за деревьями не видит леса»¹.

Во-вторых, пополнение знаний требует значительно меньшей затраты времени и усилий, чем отработка аналитических навыков. Соответственно их утрата или ослабление могут оказаться невосполнимыми, чего никак нельзя сказать о знаниях.

Накопление профессионального опыта происходит как в ходе практической политической, так и научно-исследовательской деятельности. И хотя границы между ними по мере быстрого повышения наукоемкости практической деятельности перестают быть столь четкими, как это было еще в недавнем прошлом, тем не менее, существенные различия между ними остаются. Каждая из них по-своему обогащает профессиональный опыт эксперта и, соответственно, необходима. Вопрос об их пропорции решается сугубо индивидуально с учетом состояния интеллекта эксперта.

Интеллектуальный уровень эксперта всегда достаточно высок, так как без этого он не смог бы стать таковым, а остался бы лишь более или менее квалифицированным специалистом. Вместе с тем, это

¹ Видимо, можно говорить об определенном психологическом феномене, когда стремление к профессиональному совершенствованию гипертрофируется до такой степени, когда оно трансформируется в любопытство.

не исключает, а предполагает наличие качественной разнородности интеллекта. В силу того, что эксперты используют логико-интуитивный метод исследования, сущностные различия их интеллекта предопределяются соотношением логических способностей и интуиции.

С достаточным основанием можно полагать, что природой заложено некое сбалансированное их соотношение, которое и является нормальным. Сбалансированность не следует, конечно, понимать упрощенно, как нечто абсолютно строгое. Известно, например, что мужчины обладают большими логическими способностями, чем женщины, а женщины более развитой интуицией. Иначе говоря, природная норма достаточно вариативна. Выход за пределы нормы приводит к появлению людей с выдающимися логическими способностями или высокоразвитой интуицией. Исходя из этого, можно подразделить экспертов на ординарных и неординарных, и последних на экспертов-рационалистов и экспертов-интуитивистов. Как и любое отклонение от природной нормы, неординарные эксперты представляют собой достаточно редкое явление.

Если оценить аналитические и прогностические возможности вышеуказанных типов экспертов, то получается следующая картина. Ординарный эксперт обладает хорошими аналитическими и средними (реже — хорошими) прогностическими возможностями. Эксперт-рационалист — отличными аналитическими и хорошими прогностическими возможностями, а эксперт-интуитивист — средними (реже — хорошими) аналитическими и отличными прогностическими возможностями. Таким образом, ординарные эксперты в принципе могут обеспечить надежные аналитико-прогностические результаты, а неординарные — выдающиеся. Оценивая роль экспертов-рационалистов и экспертов-интуитивистов в получении выдающихся результатов нельзя не признать определенное превосходство первых. Дело в том, что любое серьезное политическое суждение нуждается в строгом обосновании, а самая высокоразвитая интуиция этого дать не может. Она в силу своей природы исключает ответ на вопрос: почему?

Не случайно, логическое обоснование своей точки зрения дается эксперту-интуитивисту, как правило, с большим трудом и далеко не всегда является убедительным. Именно по этой причине он предпочитает излагать свое мнение в устной, а не письменной форме. Он также избегает участия в составлении тематических разработок. Специфические особенности его интеллекта тесно связаны с чертами его характера.

Он — коллективист и охотно участвует в дискуссии. Она стимулирует его творческую активность и в ее ходе у него могут родиться наиболее удачные прогностические соображения. В отличие от него эксперт-рационалист — это в большинстве случаев ярко выраженный индивидуалист. Необходимость участия в дискуссии зачастую порождает у него ощущение дискомфорта. Он предпочитает письменное изложение своих взглядов и ему предпочтительнее поручать составление тематических разработок.

Что касается ординарных экспертов, то у них не наблюдается столь очевидной связи между состоянием интеллекта и отмеченными чертами характера, которые нельзя квалифицировать ни как негативные, ни как позитивные, а следует лишь учитывать при организации экспертизы, чтобы не побуждать эксперта делать то, что создает у него ощущение дискомфорта, отрицательно влияющее на эффективность его работы.

При всем разнообразии характеров экспертов-политологов у них, тем не менее, вырабатывается ряд психологических особенностей, среди которых обычно наиболее четко выраженными являются неконформизм и толерантность. Первый находит свое конкретное выражение, прежде всего, в скептическом отношении к официальным оценкам и мнениям, особенно если они подкрепляются широкоформатными кампаниями в средствах массовой коммуникации (СМИ).

По мере развития пропагандистских технологий и, в первую очередь, в электронных СМИ, противостоять их психологическому давлению становится все сложнее, так как зрительные образы воздействуют на подсознание, а следовательно, формирование отношения к объекту оказывается латентным, неподконтрольным сознанию. Противостояние подобному прессингу СМИ — задача не из легких. Она облегчается, если существует альтернативная официальной точка зрения, которая бывает демонстративной, если ее высказывает политическая оппозиция, или замаскированной, если отражает ведомственно-корпоративные интересы.

И наоборот, эта задача существенно усложняется, когда альтернативная официальной точка зрения отсутствует или слабо выражена, то есть налицо общее мнение, с которым эксперт не может согласиться. Вместе с тем, его открытое выступление против подобного рода общего мнения, да если оно еще опирается на определенные идеологические императивы и политические мифологемы, ничего не даст. Оптимальным способом действий для него является дозированная конструктивная критика, а это требует достаточно высокого уровня толерантности. Эффективность указанной дозированной критики во многом предопределяется формой ее подачи, что зачастую делает необходимым использование разного рода дипломатических приемов.

Вообще, роль толерантности, естественно, не ограничивается указанным случаем. Она, в принципе, вводит неконформизм в рациональные рамки и, что не менее важно, значительно понижает уровень эмоциональности при восприятии критики. В этой связи следует отметить, что повышенная эмоциональность представляется тем существенным недостатком, который ставит под вопрос целесообразность использования обладающего ей эксперта, причем не только в коллективных формах экспертизы.

Экспертное исследование

Несмотря на то, что экспертиза — это получение информации, тем не менее, она может включать и ее изучение. Когда экспертная информация подвергается изучению, налицо уже не просто эксперти-

за, а экспертное исследование. Ее изучение осуществляется организаторами экспертизы по полному циклу (включая отбор, обработку и осмысление) или, что гораздо чаще, по неполному. Необходимость изучения экспертной информации имеет место только при коллективных и групповых формах. Индивидуальная же экспертиза по своей природе это исключает, так как предусматривает лишь фиксацию мнения экспертов и не более, и наоборот, групповая экспертиза всегда включает изучение и, обязательно, стадию осмысления, ибо, как уже отмечалось выше, количественные результаты требуют интерпретации. Еще более вариативна в этом отношении коллективная экспертиза.

В отличие от индивидуальной экспертизы, где роль эксперта в известном смысле абсолютна, групповые и особенно коллективные формы нуждаются в тщательной организации. Соответственно, их успех или неудача зависят не только от экспертов, но и в немалой степени от организаторов. Особенно существенна роль последних при проведении экспертного исследования, где им приходится выполнять не только чисто технические, но и определенные исследовательские функции.

Как таковое, экспертное исследование состоит из трех стадий: подготовки, проведения и оценки результатов. Первая из них, стадия подготовки, является организационно наиболее сложной и трудоемкой. Допущенные на этой стадии просчеты и недоработки в дальнейшем, как правило, непоправимы. Она включает пять фаз: оценку условий, целеполагание, выбор формы, отбор экспертов и разработку необходимой документации.

В качестве основных критериев условий проведения экспертизы принято выделять: наличный ресурс времени, степень ответственности и уровень информационной обеспеченности. Ключевым является первый, так как недостаток времени практически ничем нельзя компенсировать. В сочетании с низкой информационной обеспеченностью и высокой степенью ответственности он делает условия экстремальными (крайне неблагоприятными). Они объективно порождают состояние стресса не только у организаторов, но и у экспертов, хотя, естественно, в меньшей степени. Хорошо известно, что в состоянии стресса люди делают гораздо больше ошибок, в том числе и элементарных.

Если ресурс времени значителен, то недостаток информации в принципе может быть устранен, а к высокой ответственности участники экспертного исследования (организаторы и эксперты) в той или иной мере адаптируются (действует эффект привыкания). И хотя высокая ответственность не позволяет полностью снять состояние стресса, но его влияние не столь сильно. Это дает основание все же рассматривать подобного рода условия как неблагоприятные, поскольку состояние стресса сохраняется, если не у всех, то у некоторого числа участников экспертного исследования. Условия экспертизы можно считать нормальными, если для стресса нет оснований.

Характер условий влияет на формулирование целей экспертизы. Это делают ее организаторы, исходя из стоящих перед ними задач, но с учетом условий. Поскольку целью экспертизы является получение вторичной информации, а она может быть фактологической, аналитической, прогностической и операциональной, то и целеполагание ориентировано преимущественно на получение какого-то одного или нескольких их указанных типов. Для получения фактологической информации нет, как правило, особого смысла проводить экспертное исследование, ибо достаточно эффективной тут бывает индивидуальная экспертиза (эксперт-страновед узкого профиля). На практике перед экспертным исследованием ставятся следующие цели: информационно-аналитическая, аналитико-прогностическая и операциональная. В рамках первой преобладающей является аналитическая, второй — прогностическая, а третьей — операциональная информация. Данное преобладание не следует понимать упрощенно, поскольку любое прогностическое суждение, а тем более рекомендация требуют серьезно аналитического, а зачастую и фактологического обоснования.

Информационно-аналитическая цель ставится тогда, когда у организаторов экспертизы отсутствует достаточно четкое представление о ситуации в силу ее сложности и/или отсутствия необходимой информации. Получение же этой последней помимо экспертов или вообще невозможно или требует больших затрат и времени, ресурс которого невелик. Аналитико-прогностическая цель предполагает выявление основных тенденций развития ситуации и их оценку с точки зрения интересов организаторов (выделение благоприятных и неблагоприятных). И, наконец, операциональная цель ориентирована на определение тех конкретных мероприятий, которые могли бы подавить неблагоприятные и стимулировать благоприятные тенденции¹.

В связи с проблематикой целеполагания нельзя не затронуть вопроса о псевдоэкспертизе. Она проводится отнюдь не для выяснения мнения экспертов, а для обоснования точки зрения организаторов, а иногда уже принятого политического решения. В этом последнем случае оно формально выступает как научно обоснованное, подкрепленное авторитетом экспертов, на плечи которых тем самым перекладывается немалая часть ответственности за него. При проведении псевдоэкспертизы главную роль играет подбор экспертов, разделяющих точку зрения организаторов. В их единодушие — залог ее успеха.

Цель псевдоэкспертизы сугубо инструментальна и, в сущности, альтернативна самой природе экспертизы. Псевдоэкспертиза — это чисто пропагандистское мероприятие. Это непосредственно отражается на ее форме. Как правило, она представляет собой свободную коллективную экспертизу («круглый стол»), где заранее организованное единодушие легко маскируется дискуссией по деталям, не

¹ Как правило, для политических руководителей (лиц, принимающих политические решения) особый интерес представляют именно операциональные рекомендации экспертов, так как именно они облегчают выбор оптимального решения.

имеющим серьезного значения. Одним из наиболее надежных признаков псевдоэкспертизы является ее открытость, а тем более публичность, так как без этого ее пропагандистский эффект теряется. Реальная политическая экспертиза всегда носит закрытый характер.

Возвращаясь непосредственно к целеполаганию, необходимо остановиться в самом общем виде на его связи с условиями. В экстремальных условиях, как правило, ставится операциональная цель. Для реализации других просто нет времени. Тут корреляция между условиями и целеполаганием достаточно строгая, чего нельзя сказать о других вариантах условий. Однако и при этих других предпочтении все же отдается именно операциональной цели, что объективно обусловлено нуждами политической практики. На втором месте стоит аналитико-прогностическая цель, а на третьем — информационно-аналитическая. Видимо, недооценка значения последней в немалой степени связана с психологией разработчиков политического решения, которые, осуществляя слежение за ситуацией, считают имеющуюся у них информацию достаточной.

Корреляция между целями и формами экспертизы не отличается строгостью, хотя определенная совместимость имеет место. В частности, операциональная цель слабо сочетается с групповыми формами, для которых явно предпочтительной представляется аналитико-прогностическая. Информационно-аналитическую цель перед ними ставить вообще нецелесообразно, так как она по существу достигается при разработке соответствующей документации (анкеты, проблемные «деревья» и другие тематические разработки). Примерно аналогичным образом обстоит дело и с коллективными формами, где полностью универсальными являются лишь свободная и регулируемая формы.

За выбором формы следует фаза отбора экспертов, которая проводится с учетом необходимости обеспечения их независимости, объективности и эффективности. Под независимостью имеется в виду способность эксперта противостоять давлению внешних сил, заинтересованных в определенном исходе экспертизы. Эксперт-ученый в принципе всегда более независим, чем эксперт-практик, который, даже если он этого не осознает, в большей или меньшей степени связан своим должностным статусом, а, следовательно, и официальной точкой зрения, естественно, если она достаточно четко выражена.

Независимость эксперта, вне всякого сомнения, есть обязательная предпосылка его объективности, но не гарантия ее. То, что зависимый эксперт не может быть в ряде случаев объективным, видимо, нет необходимости доказывать, но и независимый эксперт не всегда бывает объективен. Следует сразу же подчеркнуть, что речь может идти лишь о неумышленной необъективности. Она тем более опасна, что является латентной для самого эксперта, так как порождается объективно присущими ему социальными и/или личностными свойствами. К первым относятся национальность, социальное происхождение и т.п. Трудно, например, рассчитывать при рассмотрении Карабахского конфликта на объективность экспертов армян и азербайджанцев,

даже если они искренне будут стремиться к этому. Не меньшее значение в этом плане могут иметь такие личностные особенности как идеологическая заданность или корпоративный стиль мышления.

Под идеологической заданностью имеется в виду не наличие у эксперта тех или иных идеологических предпочтений (таковые есть всегда), а их экстремальное выражение. Тут существенную роль играет характер самой идеологии. Все радикальные идеологии стимулируют формирование у человека максимальной идеологической заданности (фанатизма). В ходе групповой экспертизы она может быть сублимирована, но этого трудно добиться при проведении коллективной экспертизы. Там под влиянием идеологической заданности когнитивный конфликт (расхождение во мнениях) имеет очевидную тенденцию перерастания в идеологический, а зачастую в межличностный, что фактически означает провал экспертизы. Стремление к развязыванию идеологического конфликта, как правило, присуще последователям радикальных идеологий.

В отличие от идеологической заданности корпоративный стиль мышления не проявляется обычно столь ярко. Его отличительной особенностью является гипертрофированное представление о роли определенного рода деятельности для государства или общества. Зачастую и сам этот род деятельности отождествляется с определенным ведомством или организацией. Как следствие, интересы данного ведомства или организации рассматриваются как жизненно важные для государства или общества. Более того, вся картина мира видится только через их призму. Наиболее опасным является милитаристический стиль мышления, который присущ не только военным (что, в сущности, вполне объяснимо), но и определенной части гражданских политологов-международников¹.

Наряду с независимостью и объективностью отбор экспертов должен обеспечить и эффективность, то есть достижение той цели, которая была поставлена перед экспертным исследованием. Поскольку эта цель может быть различной, то необходимо выбирать тех экспертов, профессиональные и психологические особенности которых в наибольшей степени отвечают данной цели. Об этом уже шла речь выше, когда давалась типология экспертов по их профессиональной специализации и интеллектуальным особенностям. Следует лишь добавить, что задача оптимизации отбора экспертов стоит в полном объеме только перед организаторами коллективного экспертного исследования, так как коллективная форма налагает достаточно жесткий лимит на число экспертов (не более 10-12 чел.), с одной стороны, и требует обеспечения их психологической совместимости (включая учет межличностных отношений), с другой.

¹ В 60-70-е годы в американской политической науке очень влиятельной была группа так называемых «профессиональных стратегов», которые, будучи гражданскими, занимались разработкой проблематики ядерной войны, которую они считали в принципе допустимой.

При групповой экспертизе, где обычно число экспертов исчисляется несколькими десятками, причем их опрос является заочным и анонимным, вышеуказанная задача далеко не столь серьезна. Объясняется данное обстоятельство тем фактом, что при групповой экспертизе в принципе происходит своего рода жертва качества во имя количества, ибо надежность статистического результата напрямую зависит от числа опрошенных. Чем меньше опрошенных, тем сомнительнее большинство.

Вообще, стремление к повышению статистической надежности за счет увеличения числа опрашиваемых, восходящая к практике массовых социологических опросов, в принципе неприемлемо для политической экспертизы. Во-первых, ввиду того, что в число экспертов попадают просто специалисты, а зачастую даже дилетанты. Во-вторых, имеет место нивелировка опрашиваемых (принцип: «один человек — один голос»). Профильная специализация и особенности интеллекта остаются вне зоны внимания. О каком-либо использовании потенциала неординарных экспертов не может быть и речи, а следовательно, господствует тривиальное, но не оригинальное мышление.

В коллективных формах, где требуется достаточно строгий отбор экспертов, перед организаторами стоит проблема формирования представления о составе экспертного корпуса, то есть о всех тех экспертах, которые действительно являются таковыми и реально могут быть использованы. Обычно в первом приближении оно формируется на основе формальных критериев (публикации, ученые звания, должностное положение и т.п.).

Сам по себе данный способ не лишен рациональности, так как позволяет в какой-то степени отделить экспертов от специалистов и выявить их профильную специализацию. О психологических особенностях по этим критериям судить весьма сложно, а они, как уже отмечалось выше, играют немалую роль.

Не случайно при индивидуальной экспертизе предпочтение отдается неформальным критериям (авторитет, личное знакомство и т.д.). Осознание недостаточности формальных критериев побудило начать разработку системы неформальных критериев и методик их применения (самооценка, взаимооценка, «снежный ком» и т.п.). Однако сколько-нибудь широкого применения они не получили, видимо, в силу чисто психологической дискомфортности и громоздкости.

Параллельно с отбором экспертов ведется разработка необходимой документации, которая подразделяется на две части: справочную и тематическую. К первой относятся справочные материалы об экспертизе. Иногда они дополняются минидосье, содержащим последнюю информацию об исследуемой тематике. Все справочные материалы готовятся организаторами. Что касается второй части, то она включает различные тематические разработки. Они готовятся экспертами с участием или без участия организаторов. Эти эксперты, как правило, в дальнейшей работе участия не принимают. Исключение в этом

плане составляет эксперт — автор постановочного доклада для свободной коллективной экспертизы.

На этом завершается стадия подготовки. За ней следует стадия проведения, которая и представляет собой процесс получения экспертной информации. При групповых формах он представляет собой, в сущности, чисто техническую операцию (распространение и сбор анкет), а соответственно, сам термин «проведение» весьма условен. В строгом смысле слова он применим лишь к коллективным формам, где имеет место взаимодействие экспертов и их совместный творческий труд. Как таковой, для того, чтобы быть эффективным, он нуждается в управлении, а, следовательно, в руководителе (руководителях). При прочих равных условиях от его способностей зависит результат совместного труда экспертов.

Руководитель коллективной экспертизы управляет ее проведением по трем основным аспектам: регламентационному, содержательному и психологическому. На первый взгляд может показаться, что соблюдение установленного регламента — дело сугубо формальное, но это далеко не так. В условиях ограниченного лимита времени строгое соблюдение регламента есть обязательное условие сохранения элементарного порядка.

Оно обеспечивает относительно равномерное распределение ресурса времени между экспертами, не допуская тем самым доминирования одних за счет других. Особенно негативное влияние на весь ход коллективной экспертизы оказывает нарушение регламента в пользу эксперта, занимающего высокое должностное положение. Как неизбежное следствие этого у остальных участников возникает обоснованное подозрение, что экспертиза организована в сущности лишь для выяснения мнения данного должностного лица (лиц), а следовательно, их мнения организаторам малоинтересны, если не сказать больше. В этом случае эксперты теряют всякий интерес к происходящему, минимизируют свое участие и стремятся как можно быстрее завершить экспертизу. Коллективной работы, естественно, не получается.

В рамках содержательного аспекта управления основной задачей можно считать недопущение подмены обозначенной тематики. Она может иметь место как в результате действий одного из экспертов, так и в ходе стихийного развития дискуссии. Подобного рода подмена происходит в подавляющем большинстве случаев или путем необоснованного расширения рамок дискуссии и переключения внимания экспертов на вопросы, в лучшем случае лишь косвенно связанные с обозначенной тематикой, или ее перевода с конкретного на абстрактный, доктринальный уровень. Если руководитель не сможет пресечь в зародыше подобного рода подмену, то экспертиза, как правило, оказывается сорванной.

Третьим по счету, но отнюдь не по значению, является психологический аспект управления. Едва ли не самой сложной задачей руководителя при проведении коллективной экспертизы считается (и не

без оснований) поддержание нормального психологического климата среди участников дискуссии¹. Его нарушение всегда в той или иной степени связано с несоблюдением этических норм и, как следствие, возникновением межличностных конфликтов, которые не только отвлекают внимание самих их участников, но и крайне негативно воздействуют на других экспертов. Неизбежные эмоциональные всплески создают общую стрессовую обстановку.

Если межличностный конфликт возникает спонтанно, то при умелом поведении руководителя он остается лишь неприятным эпизодом. В гораздо более сложном положении оказывается руководитель, если подобного рода конфликт является застарелым, имеющим немалую предысторию. Его погасить гораздо труднее, так как он в ходе экспертизы развивается волнообразно. Конечно, радикальное решение в этом случае достигается во время отбора, когда один из участников этого конфликта не приглашается для участия в экспертизе, однако для этого нужно хорошо знать межличностные отношения экспертов, что далеко не всегда возможно.

Наряду с вышеперечисленными аспектами перед руководителем экспертизы может встать и ряд других. В частности, он должен стимулировать дискуссию в случае ее преждевременного затухания, предотвращать доминирование одного из экспертов (появление псевдолидера) и т.д. Таким образом, круг обязанностей руководителя достаточно широк и сложен, что предъявляет к его выбору весьма серьезные требования, среди которых следует особо выделить волевые качества и жизненный опыт.

После проведения экспертизы следует финальная стадия — оценка ее результатов, которая проходит на двух различных уровнях: организационном и содержательном. Предварительным условием этой последней является изучение полученной экспертной информации.

Начальной является организационная оценка, то есть определение того, насколько качественно осуществлена подготовка и проведение экспертизы. В случае, если выявляются очевидные ошибки и недоработки, то организационная оценка оказывается отрицательной и, соответственно, содержательная оценка, как правило, теряет смысл. Например, при групповой экспертизе не удалось собрать значительную часть разданных анкет, а в собранных, много заполненных небрежно или даже неправильно. Во время коллективной экспертизы возник идеологический конфликт, в который оказалось втянутым большинство ее участников. Такие грубые провалы достаточно редки, но менее значимые недостатки встречаются достаточно часто. Их примерная значимость и предопределяет общую организационную оценку.

¹ В этой связи организаторы экспертизы должны избегать приглашения экспертов, между которыми в силу тех или иных причин существуют неприязненные личные отношения. Сделать это не всегда удается, так как они могут быть латентными (например, скрытая ревность одного к успехам другого).

В том случае, когда организационная оценка положительна, за ней должна следовать содержательная, однако это может быть сделано только после изучения полученной экспертной информации. Содержательная оценка есть результат изучения организаторами экспертизы данной информации. При групповой экспертизе она представляет собой совокупность заполненных экспертами анкет, которые подвергаются статистической обработке. Полученные количественные результаты осмысливаются, и дается более или менее развернутая их интерпретация. Следует подчеркнуть, что объектом осмысления выступает только совокупность мнений экспертов, но не тематика экспертизы. Соответственно, и интерпретация носит преимущественно поверхностный характер, ограничиваясь в основном очевидными моментами и, в частности, количественным соотношением мнений. Вопрос о степени их обоснованности, как правило, не затрагивается.

При коллективной экспертизе экспертная информация представлена в виде распечатки магнитофонных записей и гораздо реже стенограмм. Это — несравненно более «сырой» материал по сравнению с анкетой. Он нуждается как в техническом, так и в содержательном редактировании. Последнее также осуществляется организаторами и представляет собой не что иное, как уже упоминавшуюся стадию отбора, поскольку в его ходе происходит отбраковка нерелевантной, избыточной и отчасти ложной информации.

Если на этом работа с экспертной информацией заканчивается, и она передается разработчикам или лицам, принимающим политическое решение (ЛПР), то налицо элементарное экспертное исследование. Сложным оно становится только тогда, когда отредактированная экспертная информация подвергается обработке (реферированию).

Обычно сложное экспертное исследование представляет собой реферат с более или менее развернутыми комментариями.

Экспертное исследование передается разработчикам или даже непосредственно ЛПР, которые и дают содержательную оценку проведенной экспертизе, исходя из того, насколько удалось реализовать намеченные цели. Поскольку данные цели в конечном счете основываются на практических потребностях, то содержательная оценка дается в зависимости от практической полезности экспертной информации, хотя в некоторых случаях на нее могут влиять и субъективные мотивы¹.

Завершая на этом рассмотрение проблематики экспертного исследования, следует констатировать, что оно имеет ряд несомненных преимуществ перед содержательным, но, вместе с тем, ему присущ и весьма серьезный недостаток. Он заключается в сохранении относительно высокой степени неопределенности, что обусловлено различием мнений экспертов. Опора на мнение большинства, учитывая пре-

¹ В частности, негативная содержательная оценка может быть дана ЛПР в тех случаях, когда экспертная информация противоречит ведомственным интересам, ранее высказанному им мнению и т.п.

обладание ординарных экспертов, далеко не всегда оказывается обоснованной.

Более того, когда в процессе экспертизы высказываются не два, а несколько альтернативных мнений, то неопределенность нарастает, и опора на относительное большинство (если оно есть) весьма сомнительна. Зачастую бывает так, что эти мнения в общих чертах известны еще до экспертизы, а она организуется именно для выяснения степени их обоснованности (в частности, при постановке операциональной цели). Тогда отсутствие ярко выраженного большинства означает, что по существу существовавшая до экспертизы степень неопределенности осталась неизменной, то есть значимый результат отсутствует.

Если под этим углом зрения проанализировать эволюцию форм экспертизы, то нельзя не заметить, что она была направлена именно на устранение данного недостатка. Однако задача снятия или минимизации неопределенности так и не была решена. Видимо, возможности ее решения в рамках отдельно взятой экспертизы практически исчерпаны. Представляется, что этого можно добиться путем перевода развития экспертизы на другой уровень — системы экспертиз, организуемых специальной постоянно действующей экспертной службой.

III. Политическое моделирование

Инициатива внедрения метода моделирования в нормативный политический анализ принадлежит американской политологической школе, и, в частности, такому ее направлению как «модернизм». Оно оформилось в 60-70-е годы на волне «интервенции» естественных наук в обществоведение. Она была обусловлена общей тенденцией операционализации теоретического знания, что нашло свое конкретное выражение в преобразовании частнонаучных теорий в прикладные, а также во все более набравшем силу процессе тотальной компьютеризации.

Однако, несмотря на широкий разворот модельных исследований и определенные частные успехи, в целом полученные результаты оказались достаточно далекими от ожидаемых. Основной причиной этого стала уже неоднократно упоминавшаяся незавершенность политологического синтеза. «Модернисты», будучи в своем большинстве представителями естественных наук, так и не смогли, а возможно, и не захотели этого понять. Оказалось, видимо, пренебрежительное отношение к неточным наукам.

Начавшийся во второй половине 80-х годов спад в модельных исследованиях в основном продолжается и сейчас. Между тем, необходимость в их ускоренном развитии становится все более настоятельной и прежде всего ввиду явно обозначившейся тенденции падения эффективности логико-интуитивного метода. Оно не есть нечто временное, а обусловлено действием долгосрочных объективных причин. Среди них главную роль играет прогрессирующее усложнение

политической жизни и повышении ее динамизма. Как неизбежное следствие — быстрое повышение плотности и диверсифицированности того информационного потока, с которым вынужден работать исследователь.

Поскольку логико-интуитивный метод по своей природе сугубо индивидуален, то исследователь испытывает большое интеллектуальное напряжение в сочетании с информационной перегрузкой. И если последняя может быть в известной степени снята путем использования компьютера, то применительно к первой этого сделать нельзя без моделирования, так как «диалог» с компьютером, как известно, возможен только на уровне модели.

В рамках же логико-интуитивного метода естественным выходом из положения является изменение баланса логики и интуиции в пользу последней, что неизбежно ведет к ослаблению нормативности, а, следовательно, и научной корректности. Таким образом, налицо в известном смысле понятное движение, которое и ведет к падению эффективности метода. Можно с достаточным основанием полагать, что данная тенденция будет сохраняться и в будущем в силу того, что разрыв между поступательным развитием объекта исследования и попятным движением исследовательского метода будет сохраняться или даже возрастать.

Учитывая наличие этой негативной тенденции, переход метода моделирования на позицию основного в рамках нормативного политического анализа представляется неизбежным. Однако нельзя не видеть, что в своем нынешнем состоянии он пока еще не готов к этому, что и подтвердил опыт «модернистов». Проводившиеся ими модельные исследования лишь в ограниченном числе случаев продемонстрировали свои преимущества по сравнению с содержательными и, тем более, экспертными. С тех пор положение не претерпело кардинальных изменений. Соответственно, задача совершенствования методологии модельного исследования остается столь же настоятельной, как и прежде.

Модельное политическое исследование обладает рядом специфических особенностей, которые отличают его не только от экспертного, но и от содержательного, хотя их структура в целом идентична. Они проявляются уже на стадии формулирования замысла. Несмотря на то, что в рамках нормативного политического анализа объектом исследования всегда является существующая политическая ситуация или какая-то ее часть (проблема), то есть выбор объекта исследования в принципе предопределен, однако встает вопрос о степени строгости данного выбора, и тут сразу же проявляются различия между моделированием и двумя другими видами исследования.

Дело в том, что само по себе такое определение объекта исследования является вполне достаточным для содержательного и экспертного исследования (точнее, его свободных форм). Уточнение и детализация выбора — это прерогатива исследователя, который решает,

какие составляющие ситуации подлежат изучению, а какие могут быть опущены. Делается это, как правило, в первом приближении, что позволяет осуществить в дальнейшем корректировку в случае необходимости. При моделировании уточнение и детализация производятся заранее и окончательно, так как от этого зависит класс модели, подлежащей построению.

Применительно к политическим моделям можно выделить два их класса в зависимости от охвата субъектов политики. Если модель включает все три их типа, то она квалифицируется как *общая*, а в противном случае, как *частная*. Если модель ограничивается лишь социальными субъектами политики, то налицо моделирование *социально-политической ситуации*.

Применительно к частным моделям весьма остро стоит проблема повышения степени адекватности в силу органически присущего им отрыва части от целого. Она решается путем включения в модель в предельно лапидарной форме остальных частей, которые образуют так называемый «фон». Использование «фона» обусловлено стремлением обеспечить полноту отображения объекта.

Наиболее распространенным вариантом частной модели внутри политической ситуации является модель, включающая персональных и институциональных субъектов политики и, соответственно, в качестве «фона», выступают социальные субъекты. Они образуют внутренний «фон», который может быть дополнен внешним (международным). Частная модель с включенным внутренним и внешним «фоном» считается сложной. Аналогичным образом обстоит дело и с общей моделью, если в нее включен внешний «фон». Справедливо и обратное, когда общая модель внешнеполитической ситуации дополнена внутренним «фоном». Общая модель без «фона», а также частные модели с внутренним «фоном» относятся к категории простых.

В связи с проблематикой «фона» необходимо подчеркнуть, что, хотя в идеале, чем полнее модель, тем она адекватнее, однако на деле использование «фона» всегда в большей или меньшей степени загромождает модель со всеми вытекающими из этого негативными последствиями, не говоря уже о вопросах обеспечения его лапидарности. Исходя из этого, можно считать, что общая модель, обладая относительной полнотой, обеспечивает достаточный уровень адекватности. Что касается частной, то хотя о ней этого в принципе сказать нельзя, но на практике ее адекватность может быть высока. Соответственно, использование «фона» именно для нее может быть наиболее рациональным.

При формировании замысла наряду с выбором объекта исследования происходит и целеполагание, под которым имеется в виду определение того типа новой информации, которая явится результатом исследования. Выше уже говорилось о четырех типах вторичной информации (фактологическая, аналитическая, прогностическая и операциональная). Фактологическая информация как самоцель исключается, а в качестве таковой выступают или аналитико-прогности-

ческая или прогнозно-операциональная информация. Первая предполагает, как правило, выбор статической, а вторая — динамической модели.

На следующей стадии — стадии получения исходной информации — специфика модельного исследования выражается в том, что предпочтение отдается первичной (фактографической) информации, а из вторичной используется только фактологическая, так как сбор вторичной информации трех других типов, как правило, ведет к превращению моделирования в экспертизу даже вопреки воле самого исследователя ввиду того, что ожидаемые результаты оказываются на руках и моделирование зачастую представляет собой уже формальную процедуру. Происходит своего рода «подгонка» модели под заранее известный результат.

Избежать этого даже самому добросовестному исследователю отнюдь не просто, если собранные им аналитические прогностические соображения представляются ему вполне обоснованными. Если прибегнуть к аналогии, то это — решение задачи с известным ответом (хотя он может быть не обязательно верным). Видимо, нет смысла пояснять, что между решением задачи с известным и неизвестным ответом — «дистанция огромного размера».

В этой связи нельзя не затронуть проблематики исторического моделирования, которое в последнее время развивается достаточно активно. Не отрицая его несомненной полезности, следует все же иметь в виду, что все исторические модели — это задачи с известным ответом, что заставляет относиться к ним с большей осторожностью.

На стадии изучения особенности модельного исследования проявляются различным образом на каждом из его этапов. Они практически отсутствуют на этапе обработки информации, если не считать крайне ограниченного использования агрегативных логико-лингвистических методик, минимальны на этапе отбора и максимальны на этапе осмысления. На этапе отбора они сводятся к значительно более строгой оценке состояния исходного информационного массива, что объясняется невозможностью использовать при моделировании компенсаторную функцию интуиции, которая может быть весьма эффективной при содержательном, а тем более экспертном исследовании. Для последнего вопрос о качестве информационного массива, как правило, второстепенен и, наоборот, для моделирования чрезвычайно важен. В условиях информационной недостаточности иногда приходится прибегать к использованию экспертной информации для заполнения лакун.

Моделирование в принципе весьма «чувствительно» к состоянию информационного массива. При оценке состояния информационного массива принято использовать три основных критерия: достоверность, полноту и целостности информации. Первый из них призван характеризовать долю сомнительной информации, верификация которой не могла быть проведена в силу тех или иных причин или была

не очень надежной. Второй нацелен на выявление степени детализации описания исследуемого объекта. Соответственно, выделяется поверхностная и подробная информация. Поверхностная информация дает только самые общие, лапидарные сведения об исследовании объектов, которые позволяют составить о нем весьма приблизительное представление и наоборот.

Что касается третьего критерия, то он направлен на определение степени неравномерности описания объекта. Вообще, любой информационный массив всегда относительно неравномерен, так как одни его части и свойства описаны лучше, чем другие, однако дело не в этом, а в наличии информационных пустот — лакун. Они могут быть точечными — отсутствует информация о чем-то единичном (факте, свойстве и т.п.) или зонными — отсутствует информация о ряде чего-то. Соответственно, при отсутствии лакун информационный массив может считаться целостным, а при их наличии — фрагментарным.

Однако при этом следует иметь в виду, что фрагментарность на уровне точечных лакун может быть в большинстве случаев устранена с помощью несложных логических приемов, то есть фрагментарный информационный массив может быть преобразован в условно целостный. Это гораздо сложнее делать применительно к зонным лакунам, особенно если их число велико. Информационный массив, изобилующий зонными лакунами, содержит по существу лишь отрывочные сведения об объекте, что делает возможность моделирования весьма сомнительной или даже вообще исключает ее.

Оценка состояния информационного массива позволяет определить степень реалистичности замысла с точки зрения его информационной обеспеченности и скорректировать его, если имеющиеся возможности не позволяют устранить выявленную информационную недостаточность. Обычно это ведет к замене общей модели на частную, динамической на статическую и т.д. Таким образом, происходит адаптация замысла к состоянию информационного массива. Хотя само по себе это нельзя считать специфической особенностью модельного исследования, так как такого рода адаптация может иметь, а зачастую имеет место и при содержательном исследовании, но там она не носит императивного характера, поскольку в принципе устраняется благодаря широкому использованию вторичной информации различного рода.

Построение же модели происходит на этапе осмысления. В качестве первичной выступает концептуальная модель, которая затем претерпевает целый ряд преобразований, завершаемый построением конкретной модели (объект моделирования — существующая политическая ситуация). Этот ряд преобразований представляет собой по существу серию переходов от одного типа модели к другому. Во избежание громоздкого вербального описания используем графическую форму, позволяющую наглядно отобразить варианты перехода.

Таблица 5

Форма модели	I - Вербальная	II - Формализованная	III - Квантифицированная
Содержание модели			
A. - Концептуальная			X
B. - Абстрактная (теоретическая)			
C. - Конкретная	▼	▼	▼

Приведенная в данной таблице типология политических моделей отображает информационную характеристику модели. Поскольку в форме информации (естественный язык, графика и число) уже шла речь выше, то в каких-либо дополнительных пояснениях она не нуждается. Следует, однако, заметить, что естественный язык является обязательной составляющей формализованных и квантифицированных моделей, хотя там он не несет основной смысловой нагрузки. Сложнее обстоит дело с вербальными моделями, где графика и число (точнее, конечно, математические выражения) могут также нести немалую смысловую нагрузку, хотя, естественно, второстепенную.

Что касается дифференциации моделей по содержанию, то тут основная разграничительная линия проходит между концептуальной и теоретической моделью. Обе они являются абстрактными, но первая характеризуется предельной степенью абстрактности и соответственно, в ней используются философские и общенаучные понятия, а во второй используется понятийный аппарат частнонаучных (предметных) теорий. При прояснении субстанциональных исследовательских подходов таковым является понятийный аппарат политологии, а при изоморфных — понятийный аппарат других частнонаучных теорий, но не в «чистом» виде, то есть с обязательным использованием политологических понятий.

Вышеприведенная таблица является в известном смысле «картой», на которой можно наглядно видеть возможные направления движения, ведущие к одному из вариантов конкретной модели из исходной точки — вербальной концептуальной модели. Последняя может быть формализована, но не нуждается в квантификации. Ее формализация, хотя и не обязательна, но весьма желательна, так как позволяет определить уровень ее логической строгости. Если же

формализовать ее не удастся, то это — верный признак того, что налицо не концептуальная модель, а лишь концепция — продукт использования логико-интуитивного метода. В отличие от вербальной графическая форма гораздо более эффективна в плане выявления логических пробелов и неточностей, так как обладает преимуществом наглядности, а, следовательно, обеспечивает возможность одновременного охвата целого. При ознакомлении с вербальным описанием сделать это значительно сложнее, особенно самому исследователю.

Переход от концептуальной к конкретной модели возможен только через построение теоретической модели. Последняя представляет собой, в сущности, декомпозицию первой, которая осуществляется на основе определенной частнонаучной теории, что и обеспечивает ее научную корректность. Однако поскольку становление политологии еще не завершено, а возможности изоморфных подходов оказались достаточно ограниченными, то именно проблема построения теоретических моделей оказалась и продолжает оставаться трудноразрешимой. Как следствие, появилась тенденция использования так называемого «здорового смысла» в качестве замены частнонаучной теории. Возник крупный массив нормативно-эмпирических моделей.

Их создателям представлялось, что, поскольку «здоровый смысл» — это эмпирическое обобщение социальной практики вообще и политической в частности, то подобного рода замена не только вполне допустима, но даже желательна, ибо обеспечивает надежную связь «снизу вверх» в рамках модели, и тем самым предполагалось окончательно избавиться от спекулятивности¹.

Однако их надежды не оправдались, ибо по самой своей природе «здоровый смысл» — слабоструктурированный феномен. Соответственно, в каждом конкретном случае отдельный исследователь вынужден решать задачу его локальной системологизации (упорядочения), но делает он это исходя из уровня собственных знаний и субъективных предпочтений. Иногда такая локальная системологизация оказывалась успешной, но в большинстве случаев происходило превращение модельного исследования в нормативно-эмпирическое содержательное, хотя данный факт самими исследователями, как правило, не осознавался. В немалой степени это объяснялось широким применением квантификации, которая рассматривалась как надежная гарантия научной строгости².

¹ В частности, стремление идти в исследовании «снизу вверх» было характерно для «модернистов», которые, будучи представителями естественных наук, весьма скептически относились, да в ряде случаев и продолжают относиться, к теоретическим построениям в сфере общественных наук, считая их чисто спекулятивными (науки неточные).

² Сама по себе квантификация (представление качественных характеристик в количественной форме) представляет собой универсальный способ преобразования информации, но поскольку отсутствуют достаточно четкие правила

Преобразование теоретической модели в конкретную происходит путем заполнения первой фактографической и фактологической информацией, что ведет к формированию представления об объекте (политической ситуации или проблеме). Если оно адекватно реальности, то модель эффективна и наоборот. Вместе с тем, степень эффективности может быть различной. Она оценивается путем сопоставления полученного представления с начальным. Когда удастся полностью снять ту неопределенность, которая была присуща начальному представлению, то модель — высокоэффективна. Если сколько-нибудь значимого снятия неопределенности не произошло, то она — малоэффективна. Модель просто эффективна, если сохраняющаяся неопределенность не отражается на целостности представления или, иначе говоря, хотя неопределенность снята не полностью, но оставшаяся серьезно не затрудняет понимания, так как не относится к существенным аспектам.

Снятие неопределенности есть результат получения новой вторичной информации, опровергающей или подтверждающей ранее существовавшие представления в целом или в каких-то его частях. В свою очередь, это, в принципе, включает три составляющие: о прошлом, настоящем и будущем объекта. Нет, видимо, особой необходимости доказывать, что степень неопределенности возрастает от прошлого к будущему. Именно представление о нем наиболее неопределенно и трудно поддается уточнению. Соответственно, с точки зрения политических практиков, которые разрабатывают и принимают соответствующие решения, именно прогностическая и операциональная информация является наиболее полезной. Самым надежным источником получения этих типов информации являются динамические модели, но они же являются наиболее трудоемкими.

применимости ее вариантов, то и сам их выбор оказывается зависимым от субъективных предпочтений исследователя.

В этом отношении весьма характерен пример простейшего варианта квантификации — школьных оценок, которые в разных странах измеряются различными шкалами, но вопрос об эффективности каждой из них остается открытым. Если даже здесь нет общепринятого критерия эффективности, то что говорить о научном исследовании.